

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Быстрая перемѣна въ положеніи рабочаго класса въ Россіи.—Недавнее отрицаніе рабочаго вопроса и настоящее преувеличеніе его важности.—Предшественники русскаго фабричнаго законодательства.—Коммиссія («Саблинская») Кн. В. А. Долгорукова и ген. А. А. Козлова.—Фабричные законы 80-хъ годовъ.—Реакціонное движеніе при И. А. Вышнеградскомъ.—Оправданіе подобныхъ «Воспоминаній».

Никто изъ современниковъ, я полагаю, не будетъ отрицать важное нынѣ значеніе рабочаго вопроса въ Россіи, еще вчера у насъ совсѣмъ не существовавшаго. Безполезно перечислять и указывать на всѣмъ извѣстные факты за послѣдніе годы о той крупной роли, которую этотъ вопросъ сыгралъ, напр., въ политической жизни Россіи: если рабочій вопросъ не создалъ, то во всякомъ случаѣ значительно подвинулъ у насъ ходъ т. н. освободительнаго движенія и борьбы противъ стараго государственнаго режима, а представители этого класса участвуютъ нынѣ дѣятельно въ рѣшеніи общихъ вопросовъ вмѣстѣ съ другими классами народа въ нашей Государственной Думѣ и въ печати.

Перемѣна въ положеніи рабочаго класса и отношеніи всего образованнаго общества къ рабочему вопросу, можно сказать, совершилась съ волшебной быстротой. Вопросъ этотъ быстро созрѣлъ въ общемъ сознаніи. На памяти многихъ современниковъ произошла означенная перемѣна, и еще вчера многія не только отдѣльныя лица, но цѣлыя официальные учрежденія рѣзко протестовали противъ первоначальныхъ,

очень слабыхъ попытокъ со стороны правительства, стремившагося въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка нѣсколько регулировать взаимныя отношенія рабочихъ и хозяевъ въ промышленныхъ учрежденіяхъ, стать до нѣкоторой степени на сторонѣ первыхъ и обуздать произволъ послѣднихъ, царившій почти на всѣхъ русскихъ фабрикахъ и заводахъ. Первые шаги установленной нами по образцу Запада фабричной инспекціи въ 1882 и послѣдующихъ годахъ для выполненія только что изданныхъ законодательныхъ попытокъ 1885 и 1886 гг. къ регулированію взаимныхъ отношеній рабочихъ и хозяевъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и къ установленію хотя бы нѣкотораго законнаго порядка вмѣсто прежняго полного произвола, какъ извѣстно, были встрѣчены со стороны нашихъ предпринимателей и капиталистовъ промышленнаго міра протестами, жалобами, наговорами и даже прямыми доносами на представителей, новой инспекціи, призванной для надзора за исполненіемъ этихъ въ сущности справедливейшихъ и притомъ крайне осторожныхъ и скромныхъ мѣръ для защиты слабой тогда стороны въ борьбѣ съ произволомъ сильной. Почти одновременно (въ 1886—87 гг.) Московскій Отдѣлъ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, Московскій Мануфактурный Совѣтъ (Отдѣленіе), а вслѣдъ за ними „Всероссійское купечество, торгующее на Нижегородской Выставкѣ“, обратились съ замѣной на министерскомъ посту Н. Х. Бунге И. А. Вышнеградскимъ, чувствуя новое благоприятное для нихъ теченіе, къ новому Министру Финансовъ съ ходатайствами по разнымъ своимъ дѣламъ, а кстати и съ жалобами на дѣятельность новой фабричной инспекціи, „требующей“, — говорится въ Докладной запискѣ „Всерос. купечества“, — „серьезнаго вниманія власти, въ виду многихъ несовершенствъ ея организаціи и по непригодности ея персонала, создающей излишнія и совершенно бесполезныя затрудненія для русской промышленности“.

„Не прошло и года со дня открытія дѣятельности новаго института“, — продолжаетъ свою жалобу купечество, — „а уже Вашему Превосходительству извѣстно, сколько имъ возбуждено недоумѣній и вызвано непріятностей (??!). Русскіе промышленники, оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ (?), смѣютъ думать, что они заслуживаютъ у власти бѣльшаго довѣрія, чѣмъ то, какое имъ оказано введеніемъ стѣсняющаго какъ ихъ, такъ и ихъ рабочихъ, новаго фабричнаго закона, отдающаго часто цѣлое предпріятіе на милость и немилость лица, въ фабричномъ дѣлѣ совершенно некомпетентнаго и не имѣющаго ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности. Ярмарочное купечество и производители не имѣютъ ничего противъ вмѣшательства государства во взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ (!!??); готовы привѣтствовать законъ, хорошо регулирующій эти отношенія, и его истолкователей, стремящихся водворить миръ, тишину и любовь въ фабричной семьѣ. Но они полагаютъ, что существующій законъ весьма мало приближается къ этому идеалу“... *).

Итакъ, административныя и коллегіальныя учрежденія предпринимателей и капиталистовъ всего только 20 лѣтъ назадъ еще вѣрили въ патріархальный бытъ фабрично-рабочихъ отношеній и, считая за чрезвычайное зло со стороны правительства внести даже тусклый свѣтъ законности въ мракъ сплошнаго беззаконія на русскихъ фабрикахъ, пови-

*) См. Злоба торговаго дня. Докладная записка торгующаго на Нижегородской ярмаркѣ купечества господину Управляющему Министерствомъ Финансовъ и отвѣтъ на неѣ. Изданіе В. А. Просина. Москва. 1887 Стр. 9 и 10.

Авторомъ этой записки, если вѣрить его собственному заявленію, былъ С. Шараповъ, который въ своей газетѣ «Русское Дѣло» (11 Марта 1890 г. № 8) сообщаетъ даже число сребренниковъ, которые онъ за нее получилъ (250 р.).

— 1 —

димому, совсѣмъ не грезилъ о возможности у насъ рабочаго вопроса на европейскій образецъ. Публицистика и наука въ лицѣ своихъ многихъ представителей дѣятельно поддерживала въ классовыхъ интересахъ то же оптимистическое настроеніе, охлаждая и убаюкивая рѣдкія заботы правительственной власти объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ и поднятіи всего ихъ легальнаго положенія. Такъ, напр., извѣстный академикъ В. П. Безобразовъ въ своемъ полуофициальномъ изслѣдованіи, напечатанномъ въ концѣ восьмидесятихъ годовъ по распоряженію Департамента Мануфактуръ и Торговли, неоднократно проводитъ мысль, что намъ де примѣръ Европы—не образецъ, такъ какъ „у насъ рабочій вопросъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ Западной Европѣ, еще не появился и могъ бы быть только искусственно возбужденъ въ умахъ рабочихъ бюрократическими вторженіями въ ихъ экономическія отношенія къ хозяевамъ, хотя бы даже съ благонамѣренными желаніями возвысить ихъ благосостояніе“ *). Въ другомъ мѣстѣ изслѣдованія г. Безобразовъ еще болѣе рѣшительно и рѣзко подтверждаетъ свою мысль, приписывая въ то же время тогдашней фабричной инспекціи чрезвычайную и совсѣмъ необычайную миссію или призваніе: „посреди возбужденія фабричныхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ“,— говоритъ онъ, — „они (т. е. чины фабричной инспекціи) могли бы искусственнымъ образомъ создать у насъ т. н. рабочій вопросъ, пока не существующій въ Россіи“ *) (!?).

Всѣмъ извѣстно, какъ поразительно скоро измѣнились условія, роль и значеніе рабочаго класса и вопроса въ настоящее время въ Россіи, спустя какихъ-нибудь двадцать лѣтъ!.. Русскій рабочій классъ, или, какъ онъ неправильно себя теперь называетъ „пролетаріатъ“ (потому что большая

*) См. Наблюденія и соображенія В. П. Безобразова относительно дѣйствія новыхъ фабричныхъ узаконеній и фабричной инспекціи. Стр. 113, цитата, стр. 115, 124 и др.

часть его еще связана съ землей и, слѣдовательно, не имѣетъ права именоваться ничемъ не имѣющимъ), сдѣлался своего рода великой державой въ Россіи, которая съ правительствомъ иначе не говоритъ, какъ бранно, съ угрозами, и въ своихъ многочисленныхъ „манifestахъ“ и воззваніяхъ призываетъ нерѣдко къ возстанію противъ него. Насколько нашъ рабочій былъ недавно безправенъ и безличенъ и въ общественномъ мнѣніи приниженъ и забытъ, настолько онъ теперь ложно черезчуръ возвеличенъ и въ общественномъ мнѣніи и, главное, что опасно, въ своемъ собственномъ. На рабочихъ митингахъ, въ ихъ рѣчахъ, въ заявленіяхъ и воззваніяхъ нашъ рабочій классъ частенько отождествляетъ себя, безъ малѣйшаго на то права, со всѣмъ русскимъ народомъ. забывая или умышленно игнорируя всякія для того разумныя основанія. Пять-шесть милліоновъ постоянныхъ промышленныхъ рабочихъ, въ интересахъ технического прогресса даже не отрѣшившихся совѣтъ отъ грубаго земледѣльческаго труда, разумѣется, далеко не представляютъ ни нужды, ни интересовъ государства въ 140 милліоновъ человѣкъ. Лишь въ припадкѣ *Mania gloriosa* и вслѣдствіе общей растерянности правительства и общества, подъ влияніемъ колоссальныхъ разрушительныхъ забастовокъ, могли появиться на свѣтъ подобныя ложныя и самомнительныя утвержденія и заявленія, поддерживаемыя общей сумятицей и терроромъ революціи. Наконецъ, наши рабочіе, какъ и вся, впрочемъ, печать, забываютъ о крайней непрочности, такъ сказать, безпочвенности русскаго „пролетарскаго величія“, судьба котораго всегда виситъ на волоскѣ (по крайней мѣрѣ для огромной отрасли промышленнаго труда), находясь въ полной зависимости отъ нынѣшнихъ высокихъ размѣровъ покровительственныхъ пошлинъ и нашей технической неподготовленности и незрѣлости. Съ великой политической реформой, которую Россія нынѣ переживаетъ, она можетъ и должна, по измѣнившимся эконо-

5-6 м

✓

0

0 M

|||

0

7

0

номическимъ и политическимъ интересамъ, наклониться въ сторону бôльшаго развитія свободной торговли и сокращенія своего стародавняго протекціонизма: ни весь земледѣльческій классъ или нынѣшнее крестьянство, ни разоренные помѣщики, ни, наконецъ, горожане, разумѣется, не нуждаются болѣе въ покровительственныхъ пошлинахъ, въ такой степени, какъ прежде, но имъ всеѣмъ одинаково нужна дешевизна всеѣхъ продуктовъ жизни и орудій труда, а все это, само собой разумѣется, иностранцы, при отсутствіи высокихъ запретительныхъ пошлинъ, могутъ доставить по болѣе сходной цѣнѣ и даже лучшаго качества, нежели, сравнительно слабымъ знаніемъ и капиталомъ, русскіе промышленники съ ихъ плохо обученными рабочими. „Улита ѣдетъ, скоро ли она доѣдетъ“; пока еще наши воздушные проекты о всеобщемъ обученіи и распространеніи образованія осуществятся, иностранцы его уже имѣютъ, какъ и все другія условія для успѣшной промышленной конкуренціи.

2
v
Такимъ образомъ, наша промышленность находится въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ подъ постоянной угрозой сильнаго сокращенія и даже прямого краха: первое уже наступило вслѣдствіе неудачной войны и революціонныхъ смуть двухъ послѣднихъ лѣтъ, съ безпрестанными забастовками, обѣднѣніемъ средняго класса и закрытіемъ многихъ фабрикъ, при чемъ сами же рабочіе сыграли невыгодную для себя роль Гоголевской унтеръ-офицерской вдовы, которая „сама себя высѣкла“! Иностранные капиталы, вложенные въ русскія промышленныя предпріятія, какъ извѣстно, значительно у насъ сократились, а многіе милліоны русскихъ денегъ подъ страхомъ революціи ушли и переведены за границу. При всеѣхъ этихъ условіяхъ, сколько нибудь значительное пониженіе у насъ покровительственныхъ пошлинъ и дальнѣйшіе заказы главнаго покупателя—правительства—за границей непременно приведутъ ко все бôльшему и бôльшему

упадку и сокращенію русской промышленной дѣятельности, а велѣдь затѣмъ упадетъ и спросъ на рабочія руки, а слѣдовательно, увы, есть основаніе думать, что въ общемъ народномъ хозяйствѣ Россіи скорѣе уменьшится, чѣмъ увеличится въ ближайшемъ будущемъ значеніе рабочихъ, какъ представителей фабричнаго труда. Такимъ образомъ насколько прежде, и притомъ еще недавно, замалчивали и уменьшали права рабочаго класса на вниманіе и заботы о немъ правительства и роль его въ народномъ трудѣ, настолько теперь, по моему мнѣнію, преувеличивается это значеніе и важность промышленно-рабочаго класса въ общемъ хозяйствѣ страны. Наши рабочіе и ихъ учителя въ рабочемъ вопросѣ и социализмъ одинаково обучались по европейскимъ книжкамъ, притомъ дурно переведеннымъ на русскій языкъ, а потому всѣ привыкли къ европейскимъ мѣркамъ и масштабамъ по этому поводу и забываютъ, что, если, напр., въ Германіи, Англіи и Франціи рабочій классъ и обрабатывающая промышленность имѣютъ колоссальное значеніе и прочность, въ сравненіи съ земледѣльческимъ классомъ, то совершенно другую картину представляетъ Россія, съ ея условіями народнаго хозяйства, въ значительной степени отличнаго отъ всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ странъ, а потому наша подражательность, доходящая до обезьянства, европейскимъ образцамъ, мнѣніямъ и мѣркамъ, безъ должной ихъ критики и разбора (напр., требованія учредительнаго собранія, восьмичасового дня и т. д., и т. д.) не можетъ, конечно, не привести въ концѣ концовъ русскій народъ лишь къ позднему разочарованію и общему экономическому упадку съ самыми вредными послѣдствіями. „Всякому овощу свое время“, — гласитъ русская пословица...

Въ виду указанной быстрой перемѣны въ русскихъ государственныхъ и общественныхъ воззрѣніяхъ на рабочій вопросъ и значеніе рабочаго класса, являются особенно цѣн-

ными всѣ факты и событія въ исторіи нашего фабричнаго законодательства, которые съ ходомъ времени, конечно, утрачиваются и забываются. Если вездѣ, повсюду, значеніе и вліяніе личности въ исторіи весьма велико, то у насъ въ Россіи—странѣ малокультурной—условія и характеръ дѣятелей кладетъ свой опредѣленный рѣзкій отпечатокъ на плодахъ ихъ дѣятельности. Если бы въ Англіи не было въ прошломъ вѣкѣ лорда Эшли, то, нѣтъ сомнѣнія, во многомъ измѣнился бы ходъ образцоваго англійскаго фабричнаго законодательства, или во всякомъ случаѣ онъ бы замедлился или выразился въ нѣсколько другихъ формахъ. Точно также было и у насъ съ первыми шагами фабричнаго законодательства и съ развитіемъ рабочаго вопроса; начало ихъ правилнѣе всего считать съ восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка, когда у насъ впервые въ лицѣ учрежденія фабричныхъ инспекторовъ (т. н. инспекторовъ по надзору за занятіями малолѣтнихъ) правительство признало открыто, хотя и нерѣшительно, фактъ неурядка и неустройства въ нашихъ промышленныхъ заведеніяхъ и необходимости контроля за ними въ интересахъ рабочихъ. Фабричные законы 1882 года и особенно 1885 и 1886 гг. представляютъ собой первые серьезные шаги правительственнаго вмѣшательства въ Россіи въ фабрично-заводскую жизнь, которая, какъ мы видѣли, и въ глазахъ самихъ промышленниковъ и другихъ лицъ представлялась еще не пережившей, будто бы, стараго патріархальнаго строя, хотя въ дѣйствительности она уже давно съ нимъ разсталась. Занятіе поста по Министерству Финансовъ извѣстнымъ ученымъ и гуманистомъ Н. Х. Бунге, а московскаго Генераль-Губернаторства княземъ В. А. Долгоруковымъ—лицомъ, весьма благожелательнымъ къ рабочимъ, и съ его просвѣщеннымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, покойнымъ М. А. Саблинымъ—все это вмѣстѣ несомнѣнно было благопріятнымъ условіемъ для первыхъ попытокъ къ созданію у насъ нѣко-

торыхъ новыхъ формъ фабричнаго законодательства: такъ наз. безпорядки и волненія на фабрикахъ, которые прежде вели исключительно къ полицейскимъ мѣропріятіямъ и репрессіямъ, вызвали, наконецъ, вниманіе правительства къ настоятельно й нуждѣ ихъ прекращенія вными лучшими способами — установленіемъ болѣе правильныхъ отношеній хозяевъ къ рабочимъ и общимъ улучшеніемъ всего фабрично-заводскаго быта.

Съ этою именно послѣднею цѣлью въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка учреждена была Московскимъ Генераль-Губернаторомъ кн. Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ Коммиссія для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Михаила Алексѣевича Саблина (педагога по профессіи). Она просуществовала нѣсколько лѣтъ, привлекла къ участию многихъ лицъ изъ специалистовъ и ученыхъ, устроила рядъ изслѣдованій фабрикъ и заводовъ, изъ которыхъ одно, особенно выдававшееся — д-ра Пескова о московскихъ фабрикахъ, и напечатала; кромѣ того, она издала переводы всѣхъ главнѣйшихъ иностранныхъ фабричныхъ законодательствъ подъ редакціей разныхъ лицъ, одно самостоятельное изслѣдованіе о швейцарскомъ и англійскомъ инспекторатѣ и ихъ значеніи и нѣкоторые другіе труды. Въ засѣданіяхъ этой Коммиссіи былъ прочитанъ рядъ докладовъ членовъ и нѣкоторые весьма важные, какъ, напр., о положеніи московскихъ фабрикъ съ разныхъ сторонъ, объ условіяхъ необходимости введенія у насъ фабричнаго инспектората по иностранному образцу и пр. Дѣятельность и труды этой т. н. въ просторѣчій „Саблинской“ Коммиссіи находились въ тѣсной связи съ періодической печатью, и все заслуживающее въ ней вниманія отмѣчалось и обсуждалось въ газетахъ и журналахъ, прокладывая путь тому, что необходимо Россіи сдѣлать по части фабрично-промышленнаго законодательства. Между прочимъ, въ этой несомнѣнно плодотворной, хотя и не оцѣ-

ненной по заслугамъ, Коммисіи были выработаны, подвергнуты многократному обсужденію и утверждены г. Московскимъ Генераль-Губернаторомъ „Правила для хозяевъ и рабочихъ фабрикъ и заводовъ“, составленныя Коммиссіей для осмотра фабрикъ.

Эти „Правила“, сдѣланныя княземъ Долгоруковымъ обязательными для Московской губерніи, на основаніи п. а. ст. 15-ой Положеній о мѣрахъ къ охраненію порядка и общественнаго спокойствія, представляютъ собою первую, особенно важную попытку все, что у насъ разбросано, — говорилось — въ законахъ о рабочихъ, — собрать вмѣстѣ и пополнить особенно важныя недостающія части вопроса о фабричномъ порядкѣ. При этомъ всюду имѣлось въ виду по возможности ограничить произволь и злоупотребленія хозяевъ, а равно, впрочемъ, и удержать рабочихъ отъ нарушенія прямыхъ предписаній закона. Такъ, сюда внесены нѣкоторыя ограниченія относительно взыска- нія штрафовъ, расплаты съ рабочими, прекращенія ими работы и нѣкоторыя обязательныя правила всего внутренняго распорядка фабрики. Вообще, „Правила Коммисіи при Московскомъ Генераль-Губернаторѣ“ имѣли свою руководящую цѣлью защиту правъ рабочихъ, поскольку это возможно-было сдѣлать безъ нарушенія существующихъ законовъ, и опираясь на обширную власть Московскаго Генераль-Губернатора по изданію обязательныхъ постановленій. Нѣсколько лѣтъ позднеѣ эти „Правила“ Коммисіи специально для г. Москвы поступили на обсужденіе другой коммисіи, учрежденной Московскимъ Оберъ-Полицеймейстеромъ А. А. Козловымъ съ выборными отъ разныхъ учреждений; въ ней эти „Правила“ были опять нѣсколько передѣланы и приняты собственно для г. Москвы; вмѣстѣ съ Правилами Коммисіи Генераль-Губернатора они и послужили важнѣйшимъ матеріаломъ, изъ котораго черпались впоследствии многія положенія, вошедшія въ общіе имперскіе законы 1885 и 1886 гг., представлявшіе собой результаты работъ Высо-

чайше назначенной Коммисіи подъ предѣдательствомъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Плеве по отношеніямъ хозяевъ къ рабочимъ и правиламъ внутренняго фабричнаго распорядка (отъ 3 Іюня 1886 г. „Правила о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“).

Помимо этихъ важнѣйшихъ и, какъ указываютъ послѣдствія, плодотворныхъ „Правилъ для хозяевъ и рабочихъ фабрикъ и заводовъ“, Коммисіи М. А. Саблина принадлежатъ также: „Правила для владѣльцевъ паровыхъ котловъ“ и „Правила предосторожности на промышленныхъ заведеніяхъ“. Кромѣ того въ напечатанномъ видѣ имѣется важный трудъ — докладъ самого Саблина о трудахъ и занятіяхъ Коммисіи и затѣмъ его же записка (къ сожалѣнію, оставшаяся ненапечатанною) объ организаціи т. н. „Фабричнаго Комитета“ и фабричныхъ инспекторовъ и вообще контроля за исполненіемъ фабричныхъ законовъ. Все сдѣланное трудами Московской Коммисіи Саблина нашло быстро откликъ въ новомъ Министрѣ Финансовъ, почтеннѣйшемъ Н. Х. Бунге и поставленныхъ имъ ближайшихъ къ фабрично-заводскому дѣлу лицахъ (особенно въ А. Г. Неболсинѣ), которыя дѣятельно занялись разработкой проектовъ улучшенія фабрично-заводскаго законодательства и, не смотря на сильное противодѣйствіе въ высшихъ сферахъ и рутину, имѣвшую всегда у насъ большую силу, привели, наконецъ, въ 1882 и послѣдующихъ годахъ къ первымъ серьезнымъ попыткамъ внести порядокъ въ фабричный бытъ и выступить даже въ нѣкоторой степени въ защиту рабочихъ противъ злоупотребленій или нарушенія закона ихъ предпринимателями. Впослѣдствіи, даже довольно скоро, черезъ пять лѣтъ, какъ извѣстно, правительство испугалось сдѣланныхъ шаговъ и при новомъ Министрѣ Финансовъ И. А. Вышнеградскомъ повернуло вспять, стремясь не только не совершенствовать дальше начатое на пользу

фабричнаго порядка и рабочихъ, но, насколько возможно, даже уничтожить немного сдѣланное...

Вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу справедливымъ желаніямъ рабочихъ получить нѣкоторый голосъ и свободу въ своихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ и вообще дать имъ мирнымъ путемъ нѣкоторыя человѣческія права (соглашенія, коалиціи и пр.), политика нашего Министерства Финансовъ всегда рѣшительно становилась на сторону интересовъ хозяевъ, чѣмъ насаждала въ рабочихъ глухое недовольство и приводила къ безпорядкамъ, а въ концѣ концовъ привела и къ революціи... Между этимъ Министерствомъ, которому у насъ были подвѣдомственны до послѣдняго времени одинаково промышленность, торговля и финансы, и промышленниками, въ широкомъ смыслѣ купечествомъ, всегда существовало какъ бы „молчаливое соглашеніе“ (consensus tacitus): „мы вамъ даемъ деньги, а вы насъ зато не очень тѣсите относительно рабочихъ!“. Въ результатѣ никакая рѣшительная мѣра, очень невыгодная или непріятная для заводчиковъ, не пропускалась, а если случайно и проходила, какъ начатыя нами описанные шаги фабричнаго законодательства, то Министерство Финансовъ по возможности старалось такія мѣропріятія или свести на нѣтъ, или совсѣмъ не выполнять. Достаточно привести одинъ примѣръ. Извѣстно всѣмъ, какъ невысоко стоитъ въ нашемъ обществѣ мнѣніе о неподкупности низшихъ органовъ Мин-ва Внутреннихъ Дѣлъ (полицейскіе чины); но Министерство это въ общемъ гораздо независимѣе отъ купечества по своей дѣятельности и цѣлямъ *). И вотъ, каждый разъ, когда у

*) Косвеннымъ доказательствомъ послѣдней мысли могутъ служить даже въ настоящее время нѣкоторыя распоряженія Московской полиціи, вызванныя на свѣтъ упадкомъ заботливости мѣстной фабричной инспекціи объ интересахъ рабочихъ. Въ результатѣ явилась немедленно слухи о жалобахъ въ Петербургѣ фабрикантовъ на непрошенное вмѣшательство полиціи, которая въ дѣйствительности дѣлаетъ то, что въ мое время непремѣнно бы вошло

насъ поднимался вопросъ о передачѣ фабрикъ и заводовъ изъ вѣдѣнія Министерства Финансовъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ (два раза—при Вышнеградскомъ и Витте), раздавались со стороны промышленниковъ вопли, жалобы и старанія немедленно остановить это дѣло и удержать фабрики въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, для нихъ болѣе благосклоннаго!...

Однородная перемѣна произошла и въ организаціи фабричной инспекціи: первоначально наше общество и законодательство ставило нашимъ фабричнымъ инспекторамъ задачи, главнымъ образомъ, гуманныя—надзоръ за условіями труда дѣтей и женщинъ, а нѣсколько позднѣе (по законамъ 1885 и 1886 гг.)—мирное посредничество между рабочими и хозяевами, возможное соглашеніе между ними и охрана интересовъ рабочихъ, гдѣ это законъ нашелъ нужнымъ; но затѣмъ, съ уходомъ изъ Министерства Бунге, роль фабричныхъ инспекторовъ рѣзко мѣняется, какъ и ихъ составъ: охрана

въ кругъ заботъ и обязанностей инспекціи! «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 30 Августа сего (1906) года въ № 190 сообщаютъ по данному предмету два любопытныхъ извѣстія изъ Московской жизни, которыя не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

«Въ газетахъ было передано сообщеніе по телефону изъ Петербурга о томъ, что Московскіе фабриканты обратились съ жалобой къ высшему правительству на вмѣшательство Градоначальника во взаимныя отношенія рабочихъ и хозяевъ. Градоначальникъ, не довѣряя самому факту и сомнѣваясь, чтобы такое обращеніе фабрикантовъ къ высшему правительству имѣло мѣсто, считаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его вмѣшательство во взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ для огражденія интересовъ рабочихъ составляетъ его прямую служебную обязанность, отъ исполненія которой онъ не уклонится и впредь».

«Рабочіе суконной фабрики Шекина обратились къ Градоначальнику съ письмомъ, въ которомъ просили его, не довольствуясь докладомъ командированнаго имъ лица, лично посмотришь, въ какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ живутъ рабочіе. Градоначальникъ осмотрѣлъ вчера фабрику и предложилъ владѣльцамъ въ мѣсячный срокъ привести помѣщенія для рабочихъ въ соотвѣтствующій санитарнымъ требованіямъ видъ».

времени дѣтскаго и женскаго труда и обученія дѣтей сводится на нѣтъ, представительство или защита интересовъ рабочихъ фактически въ большинствѣ случаевъ совершенно вычеркивается изъ дѣятельности инспекціи *), зато возлагаются многія новыя обязанности, напр., чистки паровыхъ котловъ и даже наблюденія за политическою благонадежностью рабочихъ и пр. (См. книгу *Озерова, И. Х.*: Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. Москва. 1906 г.).

Вообще, фабричная инспекція, по своимъ цѣлямъ и задачамъ, пріобрѣтаетъ постепенно и притомъ быстро совершенно полицейскій характеръ: прекращеніе фабрично-заводскихъ волненій или безпорядковъ—вотъ что является скоро главнѣйшею задачею и ролью фабричныхъ инспекторовъ, хотя бы это достигалось путемъ существенныхъ нерѣдко нарушеній закона и правъ рабочихъ. „Тишь и гладь—Божья благодать!...“ **).

*) Г. академикъ Безобразовъ въ своемъ изслѣдованіи, на которое мы уже ссылались, и въ которомъ онъ является, несомнѣнно, alter ego И. А. Вышнеградскаго, или, можетъ быть, нѣкоторыя мнѣнія тотъ ему подсказываетъ, слѣдующимъ образомъ выражаетъ мысли свои и даннаго министерства на этотъ предметъ: во-первыхъ, онъ утверждаетъ пожеланіе, чтобы во всемъ фабричномъ законодательствѣ и въ дѣйствіяхъ инспекціи господствовали характеръ по преимуществу репрессивный и карательный, а не превентивный и опекательный.. «Всего менѣе»,—говоритъ онъ—«должно смотрѣть на фабричную инспекцію, какъ на какой-то новый органъ правительственной власти, призванной къ прямому экономическому улучшенію быта рабочаго класса (сверхъ косвеннаго улучшенія его посредствомъ охраны отъ правонарушенія другой стороны) и къ возвышенію уровня его благосостоянія матеріальнаго и нравственнаго».. (см. Наблюденія и соображенія В. П. Безобразова относительно дѣйствія новыхъ фабричныхъ узаконеній и фабричной инспекціи. Стр. 118).

Съ своей стороны я могу завѣрить, что первые фабричные инспектора именно совершенно иначе смотрѣли на цѣль и задачи своей дѣятельности, нежели академикъ Безобразовъ.

**) Любопытно и знаменательно, что въ настоящее время полиція напоминаетъ даже фабричной инспекціи о ея истинныхъ обязанностяхъ. Такъ, «Нов. Вр.» сообщаетъ недавно изъ Москвы:

Послѣ всего этого необходимаго предварительнаго объясненія я могу прямо приступить уже къ ближайшей цѣли изданія въ свѣтъ моихъ настоящихъ „Воспоминаній“ о первыхъ шагахъ нашей фабричной инспекціи. Я былъ настолько счастливъ, что принималъ близкое участіе именно въ первоначальной исторіи нашего фабричнаго законодательства. Такъ, я былъ членомъ Коммисіи, учрежденной Московскимъ Генераль-Губернаторомъ для осмотра фабрикъ и заводовъ (т. н. „Саблинской“), дѣлалъ для нея доклады, участвовалъ въ ихъ обсужденіи, равно какъ и при выработкѣ вышеупомянутыхъ важныхъ „Правилъ“ для хозяевъ и рабочихъ, перевелъ для Коммисіи англійское фабричное законодательство, какъ образецъ и поученіе для насъ, и произвелъ даже спеціальное, по порученію Коммисіи, изслѣдованіе, путемъ опросовъ на мѣстѣ, организаціи инспектората въ Англии и Швейцаріи, которое и было, конечно, напечатано. Это изслѣдованіе докладывалось мною и обсуждалось нѣсколько разъ въ Коммисіи и даже привело къ выработкѣ М. А. Саблинымъ особаго плана для организаціи подобнаго надзора у насъ въ Россіи, для начала, въ предѣлахъ Московскаго Генераль-Губернаторства. Далѣе я участвовалъ все время существованія фабричной коммисіи по образцу первой, спеціально для города Москвы, подъ предсѣдательствомъ Оберъ-Полицеймейстера А. А. Козлова, при чемъ правила „Саблинской“ Коммисіи были подвергнуты новой переработкѣ

«Кромѣ сдѣланнаго уже представленія о бездѣятельности московской фабричной инспекціи, градоначальникъ обратился сегодня въ Петербургъ съ новымъ представленіемъ объ удаленіи отъ должности старшаго инспектора въ виду того, что фабричная инспекція относится въ высшей степени халатно къ своимъ обязанностямъ, не посѣщаетъ фабрикъ и заводовъ и нисколько не защищаетъ интересовъ рабочихъ. Градоначальникомъ установлено, что есть фабрики и заводы, которыхъ представители инспекціи ни разу не посѣтили за все время существованія инспекціи («Нов. Вр.» отъ 6 авг. 1906 г.).

и утверждены уже въ 1885 году Генералъ-Губернаторомъ, внеся много новаго въ жизнь и порядки московскихъ фабрикъ. Единновременно со второй Коммиссией я былъ назначенъ первымъ окружнымъ фабричнымъ инспекторомъ по надзору за занятіями и обученіемъ малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ—должность, впоследствии превратившаяся (вслѣдъ за законами 1885 и 1886 гг.) просто „въ фабричныхъ инспекторовъ“, и служба моя въ качествѣ инспектора продолжалась до сентября 1887 года. За эти пять лѣтъ я не только исполнялъ свои обязанности Московскаго фабричнаго инспектора, но, по особому порученію, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ производилъ изслѣдованіе (въ 1886 г.), затѣмъ представилъ особое описаніе пограничныхъ фабрикъ въ Царствѣ Польскомъ. Каждый годъ, по нѣсколько разъ, кромѣ того я вызывался въ Петербургъ для совѣщанія въ Министерствѣ Финансовъ почти о каждой мѣрѣ или распоряженіи, принимаемомъ относительно фабрикъ и заводовъ. Въ 1885 году я былъ приглашенъ на цѣлый мѣсяць для участія въ Коммисіи, назначенной подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Плеве для выработки новыхъ фабричныхъ законовъ, Высочайше утвержденныхъ отъ 3 Іюня 1886 года „Правилъ о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“; на мнѣ же лежала тяжелая обязанность въ томъ же 1886 году начать проводить въ жизнь эти важные законы, положившіе, повидимому, начало внесенію нѣкотораго порядка въ наши фабрики и заводы.

Съ тѣхъ поръ прошло свыше двадцати лѣтъ. Многіе важнѣйшіе дѣятели по созданію у насъ фабричныхъ законовъ умерли; другіе сошли со сцены; сама фабрично-рабочая жизнь, какъ знаемъ, чрезвычайно измѣнилась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ объ условіяхъ дѣятельности первой фабричной инспекціи, о трудностяхъ,

которые приходилось ей преодолевать, о вынужденной и вовсе нежелательной борьбѣ ея съ представителями фабричной администраціи и кунечества, знавшими часто лишь одно правило „здраву моему не препятствуй“ и непривычными къ какой-либо опекаѣ или вмѣшательству, не осталось почти никакихъ литературныхъ памятниковъ или описаній, могущихъ достаточно освѣтить этотъ вопросъ. На первыхъ шагахъ дѣятельности инспекціи дѣло ставилось слѣдующимъ образомъ: рабочіе безправные и безличныя не имѣли никакихъ средствъ, обычныхъ въ Европѣ (какъ стачки, союзы и пр.), выражать свои желанія и заявлять требованія предпринимателямъ; между тѣмъ злоупотребленія въ фабрично-заводской жизни и недостатокъ закона были очень велики и приходилось, слѣдовательно, закону и инспекторамъ своимъ вмѣшательствомъ и мелочной часто опекой возмѣщать недостающія средства самодѣятельности для охраны и защиты интересовъ рабочихъ.

Относясь строго къ принятой на себя обязанности фабричнаго инспектора съ искреннимъ желаніемъ принести посильную пользу правильной постановкѣ у насъ рабочаго вопроса, я вѣрилъ тогда и надѣялся на возможность многое сдѣлать въ этомъ отношеніи, не смотря на правительственный режимъ и отсутствіе нѣкоторыхъ необходимыхъ посылокъ европейскаго рабочаго быта. Видимое доброжелательное отношеніе къ этому дѣлу Н. Х. Бунге и нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицъ, а также высшей московской администраціи поддерживало меня и питало первоначально мои упованія на полезные результаты предстоявшей инспекторской работы..

Но, къ сожалѣнію, послѣдовавшее практическое ознакомленіе съ нашей государственной машиной и всѣми дефектами чиновничьяго распорядка и управленія начало скоро вносить разочарованіе и охлаждать пылъ моихъ первыхъ

надеждъ. . . . Нѣкоторые близкіе мнѣ люди были сначала же скептически настроены и утверждали, что мнѣ не удастся сдѣлать ничего полезнаго, и я скоро удалюсь (напр., это предсказывалъ мнѣ Альфонсъ Тунъ, извѣстный нѣмецкій ученый, хорошо знавшій русскіе порядки) — поэтому возникло даже мнѣніе, что въ 1887 г. я былъ собственно удаленъ съ своего поста фабричнаго инспектора, а не ушелъ съ него добровольно. Но это совершенная неправда: я, дѣйствительно, ушелъ со службы черезъ пять лѣтъ самъ и по своей собственной инициативѣ, убѣдившись достаточно, что не могу сдѣлать на этомъ поприщѣ ничего полезнаго, такъ какъ всѣ мои представленія или предложенія правительству въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ усовершенствованій въ постановкѣ вопроса не слушались въ Министерствѣ Финансовъ и на нихъ не обращалось вниманія, особенно при И. А. Вышнеградскомъ; особыя же постановленія Фабричнаго присутствія, которыхъ я добился съ трудомъ по обвиненію тѣхъ или иныхъ фабрикантовъ за злоупотребленія противъ закона, клались подъ сукно, и дѣла эти оставались безъ движенія: по крайней мѣрѣ ни одно изъ моихъ обвиненій противъ тѣхъ или иныхъ фабричныхъ администрацій во время бытности моей инспекторомъ, кромѣ громкаго, но въ сущности нелѣпаго, вызваннаго самодурствомъ владѣльца (Н. П. Ланина—редактора „Русскаго Курьера“) дѣла по нарушенію закона о малолѣтнихъ, не привело ровно ни къ чему и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ. Указанные опытомъ инспекторской дѣятельности пробѣлы или недостатки закона, отмѣченные мною и въ отчетахъ, и въ письменныхъ и словесныхъ заявленіяхъ и много разъ, оставлены безъ вниманія по сіе время (какъ знаменитый вопросъ о необходимости *строго-законодательнаго* раздѣленія понятія „фабрики“ отъ „ремесленнаго заведенія“ и многіе другіе).

Рука времени сказывается и на исторіи русскаго фабрич-

наго законодательства, какъ и на другихъ сторонахъ жизни: факты забываются, сглаживаются и искажаются, а между тѣмъ и въ свое даже время говорилось по этому предмету много лжи. Если люди благородные по своимъ чувствованиямъ и благожелательные къ интересамъ рабочихъ, какъ Бунге, Саблинъ, Неболсинъ и др. такъ или иначе удалились со сцены дѣйствія, если многихъ изъ нихъ унесла смерть, зато, по выраженію поэта, „живъ презрительный Терситъ!“ извѣстный г. Шараповъ, согласно его собственному циничному сознанію, когда-то нанятый московскими фабрикантами доѣзжать инспекцію и сживать ее со свѣта! Нашъ потомокъ, который познакомился бы съ исторіей возникновенія фабричной инспекціи въ Россіи на основаніи извѣтовъ и клеветъ г. Шарапова въ его органѣ „Русскомъ Дѣлѣ“, навѣрное бы принялъ фабричныхъ инспекторовъ перваго призыва за ближайшихъ предвѣстниковъ русской революціи, а гг. фабрикантовъ, нежелавшихъ подчиняться сколько-нибудь требованіямъ закона въ интересахъ рабочихъ, счелъ бы невинными овечками и жертвами бюрократическаго произвола!...

Таковы причины и соображенія, которыя побудили меня на склонѣ лѣтъ познакомить русскую публику изъ личного опыта съ первыми шагами дѣятельности нашей фабричной инспекціи, въ настоящее время столь утратившей свое значеніе. Матеріаломъ для воспоминаній, конечно, главнѣйшимъ образомъ служить память, насколько она сохранила все выдающіеся факты. Если подъ старость память ослабѣваетъ, то я имѣю на помощь многочисленный выборъ писемъ, которыми буду широко пользоваться въ настоящемъ трудѣ; сюда относятся: частная переписка моя по дѣламъ фабричной инспекціи съ Главнымъ Инспекторомъ Е. Н. Андреевымъ и главное Я. Т. Михайловскимъ (последній

любезно предоставилъ мнѣ для пользованія подлинныя мои къ нему письма), мои письма по тѣмъ же вопросамъ къ А. Г. Неболсину, а также къ моей женѣ, когда я находился въ продолжительномъ отсутствіи, а отчасти и ея переписка со своими родителями, когда она находилась при мнѣ, исполняя безсмѣнно должность личного секретаря по моимъ фабричнымъ обязанностямъ *), а, слѣдовательно, была вполне въ курсѣ дѣла по каждому шагу моей инспекторской дѣятельности.

Читатель найдетъ въ настоящихъ „Воспоминавіяхъ“ описаніе быстрого расцвѣта и одушевленія идеей народнаго блага въ рабочемъ вопросѣ не только лично моего, какъ дѣйствующаго лица при первыхъ шагахъ введенія фабричной инспекціи, но и вообще русской интеллигенціи и многихъ органовъ правительственной власти при соотвѣтственной поддержкѣ со стороны печати и общественнаго мнѣнія... Но затѣмъ проходитъ немного лѣтъ и уже замѣчается обычное у насъ явленіе—быстрый упадокъ интереса всей публики къ тому же важному дѣлу (какъ будто съ учрежденіемъ фабричной инспекціи—съ фабричнымъ вопросомъ дѣло было покончено, а не начато!?). Мѣсто одушевленія занимаетъ холодное равнодушіе какъ правительства, такъ и образованныхъ классовъ къ тому самому рабочему вопросу, существованіе котораго представители правительства еще недавно отрицали въ Россіи и который съ такимъ громомъ и шумомъ въ 1905 и 1906 гг. привелъ къ разоренію Россію и настоящей смутѣ...

Kohlhof,
ob. Heidelberg.

1 Августа.
19 Юля 1906 г.

*) Моимъ официальнымъ секретаремъ за послѣдніе два года инспекторства былъ В. И. Власовъ, о трудѣ котораго всегда вспоминаю съ глубокой признательностью.